

Когда мне зафиксировали все пальцы, кроме большой пальца на левой руке, врач сказал мне, что на их восстановление до состояния, в котором они не будут мешать мне жить, уйдёт две недели при условии, что я не буду их напрягать. На следующий день я пошёл в кондоминиум Кунагисы в Сирасаки, элитный спальный район Киото. Я подумал, что будет круто объявиться на «веспе», которую я унаследовал от Микоко-тян, но с фиксаторами пальцев держать руль было невозможно, поэтому я отказался от этой идеи. Похоже, придётся какое-то время подождать до момента, когда я смогу насладиться поездкой на ней.

Фиксаторы приносили куда больше неудобств, чем мне казалось изначально. Сперва я подумал: «Ох, мои пальцы нельзя согнуть. Как жаль,» — но первой же ночью я понял, что это будет мне сильно мешать в повседневной жизни. Даже одеться стало трудно. Я понял, что так я стану гораздо большей обузой для Миико-сан, и с этого началась крайне пессимистичная фаза.

И так уж вышло, что сегодня я перемещался на своих двоих. Три часа ходьбы были непростыми для человека с такими увечьями, и я мог бы просто сесть в автобус или вызвать такси, но из-за огромных счетов за лечение пальцев я решил сэкономить деньги.

— Но она ведь будет там?

Я бормотал подобное про себя всю дорогу. В итоге я дошёл до входа в кондоминиум Кунагисы. Это было шикарное здание из кирпича, больше похожее на крепость. Тридцать первый и тридцать второй этажи принадлежали Кунагису.

Я прошёл под взглядами охранников, похожих на ожившие скалы, у входа (они уже знали меня в лицо) и направился к лифту. Лифт уже был на первом этаже, прежде чем я прикоснулся к кнопкам его вызова.

Я открыл его и вошёл в него. Я воспользовался ключом, чтобы открыть панель, скрывавшую кнопки тридцать первого и тридцать второго этажей, и нажал кнопку тридцать первого этажа.

Ощущение гравитации, придавливающей меня к полу, не пропадало целую минуту.

Я вышел из лифта, как только он остановился, и подошёл к стальной двери, стоявшей передо мной. Это место превосходит мой практически во всём, но здесь не хватало интеркома. У Кунагисы почти никогда не было гостей, поэтому он был не нужен.

Я открыл замок ключом и отпечатком пальца и вошёл внутрь.

— Томо-о-о, это я-я-я. Я у тебя-я-я, — крикнул я, идя по коридору (хотя мне стало по себе, когда я назвал это «коридором». Одна только лестница была больше всей моей квартиры). На тридцать первом этаже большая часть стен была снесена, чтобы появилось место для нецелесообразно огромного компьютера, а на тридцать втором — какой-то лабиринт, в которой с моей плохой памятью потеряться проще простого. И где же была эта девушка?

Я понял, что мне стоило заранее позвонить ей, но мои пальцы были не в состоянии работать с телефоном. Большой палец левой руки всё ещё работал нормально, само собой, так что я смог бы это сделать, приложи я усилия, но я был не в настроении прикладывать столько сил.

— Томо, где ты? — Я продолжил идти по коридору после того, как вновь окликнул её. Я начал замечать странные кабели и шнуры неизвестных мне видов, спутавшиеся на полу. Конечно, я сюда заходил многократно до этого, но для меня, не разбиравшегося в проектировании механическом или электронном, это место всё ещё было как волшебное

королевство. Я с лёгкостью споткнулся обо что-нибудь и упаду, если не буду осторожен, поэтому я старался обращать внимание на пол, пока шёл.

— Томо, это я. Ты ведь где-то здесь?

— Привет, я вон там. Сюда, сюда. — Голос, ответивший мне, принадлежал не Кунагисе.

Как я и думал, это был красный голос.

Не то чтобы у голосов есть цвета.

— А я думал, что тебя здесь не будет...

Жизнь вообще бывает простой?

Я продолжил идти в сторону голоса, пока не дошёл до пустой комнаты шириной в десять татами. В этом омерзительно большом особняке, который называют кондоминиумом, нашлись комнаты, для которых даже у Кунагисы Томо не нашлось применения. Конечно, я считал, что это всего лишь вопрос времени.

Но опять же, наверно, такие комнаты понадобятся, если нужно будет принять гостей.

— Привет. Давно не виделись.

Внутри комнаты Айкава-сан и...

— Ва-ва-ва-ва, это же Ии-тян!

Кунагиса Томо сидели друг напротив друга и пили газировку из банок.

У неё были волосы цвета Голубых Гавайев, маленькое тело, похожее на детское, и неразбавленная улыбка. Это был первый раз за долгое время, когда я увидел её. Так-то после Золотой недели прошёл почти целый месяц. Но будто прошли годы с того момента.

Я словно вернулся туда, где мне самое место.

Наверно, это и называли ностальгией.

— Ва-ва-ва, Ии-тян что произошло с твоими кистями? Мне кажется или они стали намного толще?

— Кожа грубеет. Это синдром длительного сдавливания.

— О-о-о, теперь я поняла.

— Нет, не поняла. Вообще произошла целая цепочка инцидентов. Уйдёт где-то две недели на полное восстановление, включая повреждения моего лица.

— Хава-ва-а. Ничего себе, Ии-тян, кру-у-у-уто. Да ты кр-и-мень, Ии-тян, ва-а-ау. Ты что, бился со Стальной Землёй?

— Нет. Давай не будем говорить о нём. — Я сел рядом с ними, образовав равнобедренный треугольник, вершиной которого был я. Я посмотрел на объект своих страхов. — Привет, Дзюн-сан.

— Как дела, Протагонист? — ухмыльнулась она с газировкой в руке. Как и всегда, она смотрела на меня так, будто она задумала ничего хорошего. С другой стороны, она будто была воодушевлена. Но настроение Айкавы-сан менялось, как погода в горах, из-за чего было сложно судить об этом.

— Что ты делаешь в суперсекретной штаб-квартире Кунагисы? Пришла узнать больше о том бродяге?

— Нет, нет, ничего такого. Вопрос с бродягой на какое-то время был решён.

— Правда.

— Ага, — кивнула она.

— Мы как раз говорили об этом, Ии-тян. Хочешь присоединиться? Три головы лучше двух.

— Нет, не интересно.

Но я соврал.

Но это ещё означало, что Дзэродзаки так и не улетел в Америку. Наверно, Айкава-сан нашла его в аэропорту и положила этому делу конец. Если всё было именно так, то я ему могу лишь посочувствовать. Его прощание было таким прекрасным, а после него он сел в лужу. Так же это позорно, Дзэродзаки Хитосики.

— Эй, Кунагиса-тян, — сказала Айкава-сан. — Извини, что прошу об этом у тебя дома, но не могла бы ты оставить нас наедине ненадолго? Мне нужно кое о чём поговорить с Ии-тян.

— Что? — спросила Кунагиса, почесав голову. — Это какой-то секрет?

— Да.

— Хм-м. Ладно.

Она встала и вышла из комнаты. Скорее всего, она пойдёт к какому-нибудь компьютеру в другой комнате и начнёт работать. В отличие от меня, имевшего из развлечений только задачу о восьми ферзях, у Кунагисы способов развлечься было немыслимое множество.

Оставшись наедине с Айкавой-сан, я заговорил первым:

— Знаешь, я не могу не отметить, что ты только что выставила за дверь Кунагису.

— Согласна. Ты ведь не хочешь, чтобы она присутствовала при серьёзном разговоре? — не извиняясь сказала она. — Ты должен быть благодарен мне. Только не злись так сильно. Боже, я убрала Томо-тян всего на две секунды, а ты уже злишься.

— Тогда почему бы нам не пойти поговорить в другое место?

— Так не получится. Я занятая женщина. Завтра моя помощь понадобится в Хоккайдо. И я отправлюсь туда сразу же, как только уйду отсюда. Честно, я не была уверена, что увижусь с тобой.

Видимо, просто повезло.

— Итак... — приняв, что я никак не смогу отбиться от этой женщины, я сдался и решил заговорить с ней. — О чём мы теперь будем говорить?

— Сперва об обновлении по делу Дзэродзаки, — сказала она. — Я знаю, тебе ведь хочется узнать об этом? Я не позволю тебе сказать, что нет.

— Ну, наверно, да. Но к чему вы клоните?

— Прошлой ночью я наконец-то нашла этого мелкого сопляка. У нас состоялся второй раунд.

— И?

— Мы пришли к дружескому соглашению, — ответила она. — Он перестанет убивать людей, на что я взамен оставляю его в покое. Это сделка.

— А этого достаточно?

— Конечно. Мне нужно было только остановить киотского бродягу. Никто не говорил мне, что я должна поймать его. Знаешь, мне не хочется оказаться в серии убийств вместе с «Дзэродзаки Итидзоку», так что этого хватит. Пока что.

Пока что.

Я не хотел думать о смысле, заложенном в эти слова. Это явно была территория, на которую я не хотел заходить.

— Тогда это значит, что серия тех убийств больше не продолжится в Киото?

— Именно. И если бы ты не стал сотрудничать, то этого никогда не случилось бы, так что, думаю, я должна быть тебе признательна, — сказала она, больше походя на актрису.

— Правда и не говори отлично, а теперь приведи Кунагису.

— Погоди-ка, — сказала она, перебив мою попытку соскочить с разговора. — Знаешь, я неплохо пообщалась с Хитосики-куном...

— Правда?

— Да, — сказала она, сев передо мной на колени. — Мы говорили о тебе, тебе, тебе, тебе... знаешь, об обычных вещах.

— Это жутко.

Этот ублюдок. Что он ей наговорил? И не абы кому, а самой Айкаве-сан. но опять же, я сделал то же самое. Наверно, именно это он имел ввиду, говоря, что у него припрятано несколько идей в рукаве.

— Но знаешь, — сказала она, действительно впечатлённая, — ты провёл тут действительно замысловатое расследование. Даже меня это пошатнуло. кто бы мог подумать, что Аой Микоко убила Эмото Томоэ до того, как ты вышел из её квартиры, и что её же смерть была самоубийством? Я вообще не ожидала такого.

— Прости, но вся эта речь звучит наигранно, Дзюн-сан.

— Не сердчай. Мне не хочется поспорить с тобой. Я хочу быть твоим другом, Ии-тян, правда. Но видишь ли, мне кажется, что мне ещё стоило бы кое-что прояснить.

— Что, например?

Она ответила не сразу. Она какое-то время молчала, будто пытаясь предугадать мой ответ.

— Детали этой цепочки инцидентов, — сказала она в итоге.

— То есть тебя снова не устраивают мои доводы?

— Нет, с ним, на мой взгляд, всё в порядке. Я недовольна тобой. Вообще.

— ...

— Ты ведь смог избежать необходимости объяснить кое-что, что касается Дзэродзаки?

— Да, но всё это было мелкими деталями. Всего лишь самое обыденное. То, что можно объяснить любым способом или, наоборот, что даже я не могу объяснить. Так что это особо не—

— Например, причина, по которой Аой Микоко убила Эмото Томоэ.

— Ну, это...

Это я не рассказывал Дзэродзаки. Это так и не было объяснено.

— А что насчёт того факта, что подвеску с места преступления стащили?

— Ну, я...

— И с чего бы апатичному мальчишке вроде тебя из кожи вон лезть, чтобы обставить самоубийство Аой Микоко как убийство, даже если об этом попросили в предсмертной записке? Но сильнее всего мне хочется узнать вот что: как долго ты обо всём этом знал?

— ...

— Ты говорил, что правду ты узнал из предсмертной записки Аой Микоко, но... ну, так просто быть не могло, не так ли? — ухмыльнулась она. — Так когда же?

Я не мог ответить.

— Сколько бы я не недооценивала людей, я знаю, что ум твой остёр, — сказала она. — Я точно не верю в то, что ты не понял всё, пока не прочёт предсмертную записку.

— Ты переоцениваешь меня. Я не настолько—

— Ладно, мне нужно предоставить более конкретные доказательства? Например, ты сказал Дзэродзаки что-то вроде: «Вида мёртвого тела того, кого я знаю, недостаточно, чтобы мне стало плохо,» — но кажется мне, что не только этот момент не похож на тебя.

— А что ещё? — Я знал, к чему она вела, но я всё равно задал этот вопрос. — Я не понимаю, о чём ты.

— Вернись к моменту, когда ты впервые услышал факты от Сасаки. Она спросила тебя о телефонном звонке от Эмото, и что ты сказал? Что с другого конца провода точно доносился голос Эмото. Что ты никогда не забываешь однажды услышанные тобой голоса. Или что-то похожее. К этому моменту ты уже многократно упомянул свою плохую память. Так с чего ты можешь быть таким уверенным? — Она несколько раз похлопала меня по плечу в попытках подразнить меня. — Как твоя поломанная память вообще может подтвердить это? Ты виделся с ней лишь один раз, причём через телефон. Ты никак не мог это подтвердить. Не думаешь ли ты, что именно поэтому Аой Микоко решила исполнить тот трюк? Она воспользовалась твоей прохудившейся памятью. По крайней мере, ты никак не смог бы сказать, что это «точно» был её голос.

— И?

— А это значит, что ты осознанно солгал Сасаки-сан. С чего тебе нужно было это сделать? Я вот что думаю: ты вообще не можешь подделать то, о чём ты не знаешь, но ты можешь подделать то, о чём ты знаешь. Когда Сасаки пришла и рассказала тебе о смерти Эмото, тогда же ты понял трюк Аой и то, что именно она убила Эмото Томоэ, не так ли?

Правда точно всплыла. Теперь больше нет смысла отнекиваться. Перед глазами этого алого, талантливого чуда это будет бессмысленнее самой бессмыслицы.

— Тогда я ещё не всё понял, — относительно честно ответил я. — У меня вообще никаких улик тогда не было. Это было всего лишь предположение. Всего лишь смутная идея вроде: «Всё могло произойти именно так.» ты бы точно не назвала это однозначным заключением. Но Дзюн-сан, даже если предположить, что всё было так, что я уже тогда всё понял... это разве неправильно?

— Ещё как неправильно. Это чёртова проблемы огромных масштабов. И если бы ты сказал мне, чтобы ты солгал только для того, чтобы прикрыть подругу, то я была бы спокойна. Кто угодно солгал бы, чтобы защитить друга. Но проблема здесь в том, что Аой Микоко не приходилась тебе другом. Что бы ты не чувствовал к ней, ты к ней не чувствовал ничего. Она была всего лишь знакомой для тебя. Однокурсницей. Говоря проще, ты не прикрывал её. Ты затормаживал её.

Затормаживал.

И на кой ляд мне понадобилось дополнительное время тогда?

Чтобы принять решение.

Отдать или взять?

— А потом в тот день ты указал на неё пальцем. «Ты можешь простить себе собственное существование?» Как-то так.

— Ты говоришь так, будто сама всё увидела. Ты часом не наблюдала за нами?

А разве не Айкава-сан сказала, что она заметила нас с Микоко-тян в ту субботу? Но что, если она проследовала за нами после? Я смог бы заметить опасного Дзэродзаки или Муими-тян, профанов и новичков, но вряд ли я заметил бы Айкаву-сан, шедшую за нами по пятам.

И Айкава-сан стала это отрицать:

— Не, я не наблюдаю за вами. Но я могу предположить, что бы ты сказал. Я разделяю мнение Дзэродзаки: я ни за что не поверю в то, что человек, способный убивать, позволит себе покончить с собой. Всякий, кто о чём-то сожалеет, ни за что бы не убил.

— Но, согласно статистике, немалая часть убийц кончают с собой.

— Согласно статистике? Ты живёшь уже двадцать лет, и статистика — лучший ответ, который ты смог придумать? — Она презрительно посмотрела на меня и подняла нахмуренную бровь. — Не говори мне, что ты веришь в такие бредни. Нечто, что происходит раз в сто тысяч попыток, приходится на самую первую попытку. Первый же человек, которого ты встретил, один такой на целый миллион. Чем меньше вероятность, тем чаще ты будешь это видеть. Статистика. Какая шутка. Нет ничего более обычного, чем чудо.

Этот взгляд на данный вопрос был невероятно диким, но не к чему было спорить с Айкавой Дзюн. Судя по моему личному опыту, я был далеко не на её уровне.

— Но это неважно. В любом случае, Аой Микоко наложила на себя руки не из-за чувства вины. Она сделала это, потому что обвинил её. Точнее, ты спросил её об этом. После этого у неё не осталось выбора, кроме как умереть. Можешь ли ты простить собственное существование?

Я вернусь завтра. Примерно в полдень.

Тогда ты и получишь свой ответ.

— По твоему мнению, всё это произошло потому, что я сказал это? Если этого было достаточно, чтобы пробудить её сознание, то она бы ни за что не совершила то преступление, — сказал я. — И покончить с собой из-за такого—

— Ты что, не понимаешь? Аой убила Эмото ради тебя.

У меня не было слов.

— Эх, видимо, я зашла чересчур далеко, сказав, что это было «ради тебя». Аой решила сделать всё сама, а ты ни за что не в ответе. Всё в итоге свелось к зависти, если тебе нужно объяснение попроще.

Я не ответил.

Айкава-сан продолжила:

— Эмото Томоэ никогда никому не раскрывалась, никогда не подходила ближе нужного к кому-либо. Но она всё равно откровенно с тобой заговорила в ту же ночь, когда она встретила тебя.

Смертельная рана. Побитый.

Они были похожие, но разные.

Может, Микоко-тян спала наполовину во время того разговора? Что, если она тогда была в сознании, как и во время моего разговора с Миико-сан?

— Если учесть факты, то станет также понятно, почему она украла ту подвеску. Зачем она вообще могла понадобиться Аой? Это был подарок от Усами Акихару. Но ты помнишь, что ты сказал об этом? «Хорошая пара,» — или типа того. Ты, кто почти никогда никому не говоришь комплименты, сказал это. И Аой украла её. Скажем так, он ей не нужен был, она просто хотела

забрать его, а потому она стащила её с места преступления. Полагаю, это тоже было сделано из зависти. Суть в том, что Аой Микоко не могла принять, что вы с Эмото Томоэ становились ближе друг к другу.

— И именно поэтому она убила её? Таков был её мотив? Это глупо. Ты можешь представить себе, что тебя убивают из-за такой причины? Это ужасно.

— Ты прав, это ужасно. И именно из-за этого не смог простить её? Она трагично лишила человека жизни из-за чего-то настолько глупого. А потому ты заставил её взять на себя ответственность за это.

— Ты действительно считаешь, что я сделал бы нечто подобное?

— Нет, не считаю. Не будь это сделано спонтанно, случайно. Если бы это было случаем того, как кто-то «зашёл слишком далеко», то ты бы просто простил её и попытался бы что-нибудь придумать, я уверена. Но это было не так. Это преступление было преднамеренным. И оно не было вызвано «силой алкоголя» или чем-то ещё. Она даже подготовила оружие убийства. — Она хихикнула. — Я знаю, ты не считаешь, что она для убийства воспользовалась ленточкой. И ты сказал Дзэрозаки, что орудием убийства была ленточка с упаковки подарка от Усами, но очевидно, что это было не так.

— Насчёт этого я не знаю. Кажется, получилось бы—

— Но ведь с места преступления забрали только подвеску? Она была указана в полицейских документах. Это означает, что ленточка всё ещё была там. Это означает, что орудием убийства было что-то другое, но с условием, что кусок ткани, которым Аой покончила с собой, совпадает с куском ткани, которым убили Эмото. И что это значит? А то, что Аой Микоко подготовила оружие убийства, прежде чем прийти в квартиру Эмото.

— О чём ты?

— О том, что она сделала прогноз. Она сходу заметила схожести между тобой и Эмото. Она почувствовала нечто в твоей «ауре», если так удобнее. И если бы её прогноз сбылся, то она пошла бы убивать Эмото. Она всё это спланировала с самого начала. Это была не просто странность, которую любой студент выдумал бы сходу.

— Это крайне забавно, — сказал я, даже не ухмыльнувшись. — Она всё говорила и говорила, какие они хорошие приятели, а затем убила из-за чего-то настолько тривиального. Что ещё хуже, так это то, что я знаю, что она не вралась о дружбе. Она не вралась, Дзюн-сан. Ей действительно не всё равно на Томоэ-тян.

Просто не так сильно, чтобы не убить её.

Если бы встала у неё на пути, то Микоко-тян безжалостно расправилась бы с ней. Убей.

Умри ради меня.

У этой девчонки точно были стальные нервы.

— То есть ты какое-то время знал это, но в итоге решил осудить её.

— Осудить? Хочу прояснить этот момент, Дзюн-сан... Я не думал, что она покончила с собой. Я вообще ждал, когда она расслабится, прежде чем заговорить с ней об этом, чтобы она не

слетела с катушек и не наложила на себя руки. По крайней мере, я ставил ей три варианта. Она могла покончить с собой, сдать полиции или просто сделать вид, что она не понимает, о чём я говорю, и впредь не пересекаться со мной. Конечно же, она также могла убить меня.

— И ты надеялся, что она выберет четвёртый вариант?

Да, точно. Я пожал плечами.

— Я думал, что она сдастся полиции... но она этого не сделала. Когда я вошёл в её комнату, она была мертва. Поэтому я...

— Поэтому ты обставил всё так, что ты не знал, что это было самоубийство. Об этом ведь ничего не было написано в предсмертной записке? И именно ты оставил надпись «х больше у»?

Это было так. Микоко-тян об этом вообще не просила. Скрыть всё было целиком моей идеей. Раз уж она не сдалась полиции, то она хотела, чтобы никто не узнал, что она сделала. А потому я решил, более-менее по инерции, помочь ей.

Если честно, я тоже ощутил некоторую ответственность за это.

— «Ответственность»... лично я думаю, что люди используют это слово, когда что-то для них оказывается неожиданным сюрпризом.

— Сразу говорю, я этого не предусматривал. Это была неожиданность, настоящая. Я согласен с тобой и с Дзэродзаки в том, что вряд ли человек, способный убить, покончил бы с собой из-за вины. Вот почему я удивился, когда узнал, что она наложила на себя руки. Я даже не уверен, что меня стошнило из-за несъедобных вещей у меня в желудке, Дзюн-сан.

— Но Аой до самоубийства могла довести и не вина. Возможно, она умерла, потому что ты надавил на неё. Тебе стало мерзко от неё из-за того, что она сделала. Ты стал для неё врагом, и из-за этого она потеряла всякую надежду.

— Если дело было в этом, то я от этого могу только сильнее разозлиться. Она убивает одного человека, и лишь это выводит её из себя настолько, что она убивает себя? Её даже нельзя было назвать убийцей.

— А-а-а, так вот что ты подразумевал под ощущением ответственности. Не за Аой, а за Эмото... Ясно. Хм... любопытная идея. Но скажи мне, влечение человека для тебя ничего не значит? Может, она исказила всё, но ты действительно нравился Аой.

— «Ты мне нравишься, а потому тебе лучше быть как я» — всего лишь тактика запугивания. К сожалению, я не какой-то там слепой ответчик. От людей, убивающих ради удовлетворения собственных желаний, меня выворачивает.

— Ты сказал то же самое об Атэмии? — весьма вежливо спросила она. — Меня больше впечатляет то, что ты смог всё это предсказать, включая конец, с самого начала. Именно поэтому ты посеял в голове Атэмии ложную идею о «предсмертном послании». Ты объяснил Дзэродзаки, что Атэмия «неправильно поняла» значение тех отметок, но на деле именно ты заставил её это сделать. Так сразу же стало бы очевидно, что Атэмия была убийцей, если бы убийства продолжились даже после смерти Аой. Даже когда ты проник в квартиру Эмото, ты не искал улики: ты искал то, о чём никто никогда не узнал бы.

— Полагаю, это было что-то вроде страховки. Всё это не было тщательно спланировано. Не говори об этом так, будто у меня было на ладони.

Как итог, именно он убил, именно она умерла, а именно та девушка покончила с собой. Я вообще ничего не сделал. Я даже никем не манипулировал. Как кто-то, кто не понимает человеческих эмоций, мог даже попробовать насадить какую-либо идею?

Вот это уже было бессмыслицей.

— А Сасаки и Кадзухито... вчера они арестовали Атэмию Муими, но... они сказали, что она была на грани самоубийства. Она собиралась прыгнуть с крыши у себя дома, но они смогли её спасти. Очевидно, что она свихнулась, а они не смогли понять ни единого слова, выходявшего из её рта. Они вообще не думают, что она когда-либо придёт в себя.

— Ничего себе.

— Ты что-нибудь говорил ей?

— Нет, — без промедлений ответил я. — Я не говорил? Мне не интересны люди, убивающие ради собственных прихотей.

— Я более чем уверена, что ты говорил, что тебе от них тошно.

— Наверно, ты не расслышала меня.

Она молча смотрела на меня.

— Ах, — вздохнула она. — Ну, тем не менее... вот почему ты осудил тех девушек, каждая из которых убила лишь по одному человеку, но закрыл глаза на многочисленные, неразборчивые, безжалостные убийства Дзэродзаки? Дать или забрать? Боже... ты точно жестокий.

— Мне часто так говорят.

Айкава-сан проглотила последние капли газировки, кряхтя встала и посмотрела на меня.

— Прах к праху... неважно. После всего этого твои преступления и твои наказания принадлежат только тебе. Я не знаю, как ты видишь меня, но здесь ты не был неправ. Если к тебе и можно придраться, то только за то, что ты — это ты. Ты виновен в том, что ты есть ты, и это должно быть твоим наказанием. И я не собираюсь в это вмешиваться. Мне было немного любопытно. Так что вот мой последний вопрос, — сказала она более простодушным тоном, чем тем, который был всего лишь несколько секунд назад. Но я знал, что она воссияла именно тогда, когда она дошла до этого.

— Какой? — спросил я, слегка встревоженный.

— Что действительно было написано в предсмертной записке Аой?

— ...Всего одна строчка, — ответил я.

— Ничего себе. И что же?

— Забыл. Плохая память.

А затем я вспомнил:

— «Я хотела, чтобы ты спас меня.»

— Какая жёсткая строчка, — сказала она, смеясь. — Но она с тобой точно надолго останется. Её признание в чувствах стало бы отличным последним воспоминанием, а так получилось просто горько. Теперь ты её до самой старости не забудешь. Наверно, она этого добивалась.

— Не совсем. Я забуду об этом уже через три дня или около того.

Это само по себе звучало как горькое возражение, но я не лукавил, и это, скорее всего, станет правдой. Мои внутренности уже насквозь прошиты плохими воспоминаниями. Конечно, я мог уже получить к своему бремени два, три или четыре креста, которые придётся носить, но их довольно скоро получится закопать. Так всё и складывалось.

— Понятно, — сказала Айкава-сан. Она смотрела на меня ещё какое-то время, а потом снова преисполнилась цинизмом. — Скажи... тебе ведь всё равно было наплевать?

...на что?

Но оставалось ещё столько возможностей, что я вообще не понимал, на что она намекает.

Но всё же.

Что бы ни значил этот вопрос, на него существовал лишь один ответ.

— Нет.

— Понятно, — сказала Айкава-сан. — Что ж, я посмотрю, что можно сделать с Сасаки и получится ли у меня убедить её снять с тебя обвинения.

— Обвинения? В чём?

— В фальсификации информации по делу Эмото, поддержке самоубийства Аой, не говоря уже о сокрытии факта насилия, в утаивании информации и проведении небольшого randevu с Атэмией. В обычном случае они бы тебя уже схватили за всё это, о чём ты, думаю, и так хорошо знал, но я позабочусь о тебе ради твоего блага. Хотя Кунагиса наверняка сделала бы то же самое, даже если бы я этого делать не стала... Тебе стоит начать оказывать услуги кое-каким людям.

— Сасаки-сан сказала что-то похожее.

— Я уверена в этом. Я научила её этой фразе.

— И не говори.

В последнее время я был по уши в долгах у разных людей за услуги, которые они мне оказали. И даже пяти месяцев с моего возвращения в Японию не прошло. Хватит ли мне оставшейся жизни, чтобы расплатиться со всеми?

Наверно, здесь у меня выбор невелик.

— Ну, давай как-нибудь повторим, — сказала она.

— У нас ведь больше не будет возможности встретиться?

— О, я думаю, что будет. Я чувствую, что мы снова встретимся совсем скоро.

— Не думаю, что ты снова появишься завтра, чтобы оттянуться, как в прошлый раз...

— Я же сказала, завтра я уезжаю в Хоккайдо... работка там будет не из приятных. Не уверена, что я вообще вернуть оттуда не в гробу. И меня это завораживает.

— Ты не умрёшь, даже если тебя убьют.

— Ты тоже, — сказала она. — Ну, увидимся. — С этими словами она вышла из комнаты для гостей. Это прощание было невероятно простым, будто мы и вправду собирались снова встретиться завтра.

И мы наверняка завтра встретимся в какой-то момент.

И она наверняка насильно выпустит мне кишки, светя при этом циничной улыбкой. И несомненно, она закончит ещё одну историю, в которой уже поставили точку.

Она распутает то, что уже распутали,

Завершит то, что уже завершено.

Потому что такова была роль этой красной частницы.

А это уже тянуло на пятёрку.

— Айкава-сан, ты просто не знаешь, когда нужно уходить.

В не самый подходящий момент до меня дошло, что быть убитым звучит не так уж и плохо, если убивать будет она.

— А теперь...

Я уставился в потолок, который был выше меня раза в два, даже если бы я подпрыгнул с вытянутыми вверх руками. Говоря о пространстве: эта комната была большей моей квартиры минимум в пять раз.

Неважно.

— Думаю, ты уже можешь выходить, Кунагиса.

— Боже, — донёсся голос откуда-то. Но она не решила выглянуть. Похоже, она собиралась и дальше строить из себя дурочку. Как кто-то настолько умный может быть такой дурой? Опять же, это всё равно лучше, чем быть тупицей вроде меня.

— Если ты сейчас же не выйдешь, то всё пропустишь. Тебя это устраивает?

— Вот ведь. С подобными вещами тяжело подобрать время.

Сказав это, она открыла люк в потолке и высунула оттуда своё лицо. Она виновато хихикнула.

— Хи-хи-хи-хи. Так ты знал?

— Ага-ага. Думаю, Айкава-сан тоже заметила.

— О-о-о. Тогда зачем нужен этот глупый проход?

Она спрыгнула на меня, будто она ныряла в бассейн. Могу повторить, что потолок был выше, прыгающего и тянущегося к нему, в два раза. В то же время я не мог просто уклониться, поэтому я принял сильный удар прямо в живот.

— Ии-тян, ты цел?

— Не совсем... — Со сломанными пальцами я не мог даже защититься. Я был ризведён до человеческой подушки. — Томо... пожалуйста, слезь с меня. По-моему, ты мне пару рёбер сломала.

— Думаю, я откажусь от этого предложения. — Она прижалась ко мне, напирая на меня всем своим весом. Эта позиция напоминала мне ту, в которую меня поставила Айкава-сан несколькими днями ранее, но в этот раз было намного приятнее. Аж на душе легче стало даже. — Хи-хи. Я скучала по тебе! Ты мне нравился!

— Ну, я рад за то, что ты скучала...

Она совершенно невинна.

Она услышала всё, я чём я говорил с Айкавой-сан, и всё равно обнимала меня.

Я жестоко демонизировал двух человек и всё равно проглядел серийного убийцу. А Кунагиса не выпалила ни единого замечания по этому поводу.

...

Айкава-сан была не права лишь в одном.

Но не она виновата в этом. Наверно, она просто ещё не узнала меня полностью. Я вообще не читаю себя человеком глубоким, но я осознаю, что мои грехи настолько глубоки, что увидеть самое дно было невозможно. Мои глубины были невидимы, независимо от того, какую работу будут делать. Я не хотел говорить об этом рядом с Кунагисой не потому, что я боялся её осуждения, а потому, что я знал, что она никогда не осудит меня за то, что я не хотел показывать ей уродство моего эго.

Она была всепоглощающей любовью.

Привязанность непоколебимая, неразбавленная.

Если бы я убил человека, она, наверно, даже это простила бы мне.

Она продолжала бы любить меня с той же силой.

Я ощущал, как это давит на меня.

Это широкая преданность.

Не то чтобы я не мог ощущать привязанность к другим. Я не мог получить привязанность от других.

Сколько Микоко-тян не показывала мне своё восхищение, я ответил ей лишь презрением к убийце. Как бы сильно её чувства не заставили её сделать то, что она сделала, я видел лишь ещё одну резню.

И потому я был побитым.

И потому я был ошибкой природы.

— Бессмыслица.

— Что? — Кунагиса слегка сдвинулась и одарила меня озадаченным взглядом. — Ты что-то сказал, Ии-тян?

— Нет, я ничего не сказала.

— Хм. А, точно. Ии-тян, хочешь поехать со мной в отпуск?

— Отпуск? Какая редкость. Я думал, что ты затворница.

— Ну, я и не хочу никуда идти, но я кое-кому помогаю, поэтому я должна это сделать.

— А-а-а. Ну, ладно, погнали. Я и так тебя толком не видел в последнее время.

— Хорошо! — сказала она с лучезарной улыбкой. Она знала лишь это выражение лица. Но даже так она умела больше меня.

«Неспособный ответить на улыбку улыбкой... от этого ведь у парня может развиваться комплекс неполноценности, а, Томозэ-тян?» — думал я с некоторой долей самоунижения.

— Когда уезжаем?

— Ну, сперва нужно о многом позаботиться. А-а-а, до дома профессора Кёитиро так далеко. Но нам ещё нужно спасти Сат-тяна. Но будет лучше сначала долечить тебя, так что, думаю, поедем где-то в начале июля.

— Хорошо, понял.

— Отметь этот день в календаре. Хи-хи, — рассмеялась она.

Я кое-что вспомнил.

— Эй, Кунагиса. Ты знаешь, что означает «х больше у»?

— Что? — Она наклонила шею, чтобы снова посмотреть на меня. — Что это? Формула?

— Предсмертное послание... ну, не совсем, но можешь считать, что да.

— Хм. — Она задумалась. — А, а она написана скорописью?

— Да.

— Тогда всё просто. Нужно просто посмотреть на неё в зеркале, а затем повернуть её, — сказала она, будто для неё это было просто.

— Верно, — сказал я.

Что проносилось в голове Микоко-тян, когда она оставляла её? Она написала её около тела Томо-тян, как какое-то предсмертное послание.

Можно было лишь спекулировать, конечно же.

Наверняка Микоко-тян не собиралась убивать Томо-тян.

И, конечно же, Муими-тян не хотела убивать Акихару-куна.

— Но я...

Наверно, я и вправду хотел убить и Микоко-тян, и Муими-тян. В конце концов, я по ту сторону зеркала был убийцей.

Тем не менее, я полностью принял те смущающие части, которые она оставила. Почему нет? Ничто, на что можно затаить обиду, никогда не проникло через зеркало на эту сторону. А само зеркало уже треснуло.

Весь мир треснул.

Я посмотрел на Кунагису.

Когда же настанет мой черёд треснуть?

Эта презренная «прорицательница» нагадала ещё два года. Но она была большей лгуньей, чем я, и я не мог посчитать её слова правдой. Я сомневался в том, что моё сознание столько продержится.

А что насчёт сердца?

Что бы там ни было, моё время точно наступит.

Время, которое можно было бы назвать моим последним приговором.

— А-а? Что не так, Ии-тян? — Она моргнула своими большими, ясными зрачками.

Эти голубые волосы.

Такие же, как и пять лет назад.

А теперь эти пять лет прошли.

Рано или поздно время наступит.

Когда я прогнусь под этим весом.

Я жажда уничтожить её восстанет.

Даже в этом случае она наверняка простит меня.

Даже если бы я убил или разрушил кого-то или что-то, она простила бы меня.

Как тогда, с это невинной, лучезарной улыбкой, будто ничего не произошло.

Есть разница между быть прощённым и быть спасённым.

Какими бы они не были бессмысленными.

До того, как это случится.

Не чтобы обслуживать свои желания, а что обслуживать себя, делать то, что нужно сделать.

Прошу.

Скорее.

— Томо.

— Да?

— Я люблю тебя.

Просто скажи.

Эти слова, блеклые и совершенно пустые.

Слова, которые сможет сказать кто угодно.

Просто бессодержательные слова.

— И я люблю тебя.

Кунагиса рассмеялась.

И на том всё кончилось.

С концами.

— Это Ик-кун, которого я люблю.

А за этим:

— Я хотела, чтобы ты спас меня.

На то у меня был лишь один ответ.

Простая фраза, которую я хотел отослать Микоко-тян.

Наверно, те же слова, которые были у Томо-тян для меня.

И да, они подходили.

— Не будь таким избалованным.

<Простая любовь, простой отказ> — ПЛОХАЯ КОНЦОВКА...